Нина Кондратковская

Литературная страница

Предлагаем вниманию наших читателей три подборки стихотворений бывших сотрудников газеты «Магнитогорский металл» — ныне членов Союза писателей СССР Нины Георгиевны КОНДРАТКОВСКОЙ, Владилена Ивановича МАШКОВЦЕВА и Александра Борисовича ПАВЛОВА.

СТАЛЬНОЕ ИМЯ

Ода Магнитке

— Магнитогорск, — произнесет душа,
Перед тобой до старости не горбясь,
Твоим высоким именем держа
Рабочую потомственную гордость.
— Магнитогорск, — рассудок говорит,
На полосе Истории верстая
Судьбу твою, что в малый габарит
Вместила целый век труда и стали.
— Маг-ни-то-горск! — воскликнет по слогам
Упругий голос воли мускулистой,
Как ураган свинцовый по врагам,
Как боевой приказ: «Умри, но выстой!»
Ты — горн кузнечный, ты — сигнальный горн,
Ты — притяженье мощного магнита,
Горячий самоцвет Уральских гор
В оправе негасимого зенита.
Ты весь легенда — от горы Атач
И от палаток до меча стального,
И первых лет невыцветший кумач
На шапке дымной пламенеет снова.
Твой трудовой накал соотношу
С делами неприметными своими,
Когда я слышу и произношу,
Когда пишу твое стальное имя.
Его в строке поставлю в полный рост,
Не опасаясь выспренности слога, —
Ты для меня не город, а эпоха,
Мой символ веры,
мой Магнитогорск.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЖИЗНИ

Здесь не разила смерть прямой наводкой,
Не проносилась вихрем огневым
И не бродила тяжкою походкой,
Заглядывая к мертвым и живым.
Но у истоков вечного движенья,
Где день и ночь рождается броня,
Чужой металл, поверженный в сраженьях,
Теперь лежит без силы и огня.
Лафеты, гусеницы, элероны...
Унылый лом! Но жизнь к нему добра.
Последний раз скрежещет, покоренный,
Он в челюстях железного копра.
Искромсанный, раздробленный на части,
Пройдя сквозь аммонал и огнерез,
Разжеванный стальной огромной пастью,
Рассчитанный шихтовщиком на вес,
Ложится в мульды выверенной грудой.
Огни клубятся, словно ковыли,
И парень ясноглазый, чернокудрый,
Даёт команду мирную:
— Вали!
Не он ли сквозь огонь шагал с Востока,
Пыль Запада стряхнул с усталых ног!
Не он ли эту пару синих стекол
Сменил тогда на полевой бинокль!
Не по его ли яростной команде
Вот эти танки обращались в лом,
А он кричал:
— А ну, сильнее гряньте!
Еще огня! Покрепче, поделом!
...Металл завален. Спущены заслонки.
Пять солнц сверкает в огненной печи,
Шестое сверху волоконцем тонким
Роняет животворные лучи,
Вплетает серебристые косички
В струящийся зеленоватый пар.
— Еще огня! — по фронтовой привычке
Командует подручным сталевар.
Кипит металл, носивший смерть и темень,
Он вновь рожден, в нем сила бьет ключом,
Чтоб одолеть пути, пространство, время,
А если надо — снова стать мечом.

1946 год.

ПЕСЕНКА МУДРЕЦА

Не лишений боюсь, а довольства,
Не от слез — от восторгов бегу...
Пожелай же, судьба, —
до погоста
Мне — бессонницу, спячку — врагу.
Без тревоги на сердце короста,
Без смятенья — тенета в мозгу...
Подстели же, судьба, —
до погоста
Мне — дорогу, перину — врагу.
Пусть накопится в теле упорство,
Чтобы — к правде, сквозь все «не могу»...
Подари же, судьба, —
до погоста
Мне — хомут, ожерелье — врагу.
Дети встанут со мною в упряжке,
Внуки — рядышком, в поте лица,
А холеные отпрыски вражьи
Ожерельем удавят отца.

Владилен Машковцев

В этом году исполняется 30 лет со дня первой публикации стихов Владилена МАШКОВЦЕВА в нашей газете. Рабочий ММК стал певцом Магнитки, членом Союза писателей СССР. Но первые печатные его строки читатели увидели в «Магнитогорском металле»...

Магнитная гора

Писака именитый
трубил на целый свет:
— Нет горы Магнитной,
горы Магнитной нет!

Он твердил упрямо,
что в земле дыра,
что возникла яма,
где была гора.

Может быть, невежде
дать отпор пора:
над городом, как прежде,
Магнитная гора!

Быть ей знаменитой,
кряж несокрушим.
У горы Магнитной
было пять вершин.

И увидеть надо:
домны — до плеча.
Высится громада
пиком Атача.

На вершине знатной
клочья облаков,
ковшик экскаватора —
слава горняков.

Крепок символ веры,
чтить его прошу.

Летом пионеры
цветы несут ковшу.

Не приемлю милость,
сладкого добра...
В чем-то изменилась
Магнитная гора.

С каждым днем у среза
тишина сильней.
Ясно, что железа
меньше стало в ней.

У горы — характер,
металл не задарма...
У подножья кратер
от рудного холма.

Проявила силу
памятной войной,
защитив Россию
снарядом и броней.

Вечно сталь в кипении,
герои у знамен,
красные ступени
и высокий склон.

В обугленной одежде
колдуют мастера...
Высится, как прежде,
Магнитная гора!

ПЕРЕМОГА

Сокруша врага мечами
у днепровского порога,
князю воины кричали:
— Перемога! Перемога!

Разогнавши полицаев,
встав под красным флагом
строго,
ковпаковцы восклицали:
— Перемога! Перемога!

Через голод, через пули
шла победная дорога.
Горько женщины вздохнули:
— Перемога! Перемога!

У фашистов песня спета,
полыхала их берлога...
Вечно будет жить Победа —
Перемога! Перемога!

Александ Павлов

* * *

А сегодня день высок и пылок,
глаз не закрывает пятерня...
Заломив пилотку на затылок,
смотрит вся пехота на меня.
А сегодня от Москвы до Праги,
тяжело вздыхая на ветру,
кровью обессмертенные стяги
встали светоносно поутру.
А сегодня в стороне родимой
вещий дол старуху одолел
тем, что неизбывный и глубинный
каждый след солдата заболел.
Эхом от клочка лихой бумаги,
от слезы, прожегшей дол и даль,
от Москвы до остроглавой Праги
прокатилась светлая печаль.
Боль моя, остуда и тревога,
ослепи и выведи врага
к месту, где кончается дорога
и дымят над пропастью снега.

ЖУРНАЛИСТАМ

Года уходят кратки и похожи,
У нас года особо не видны.
И мы уходим медленно, но все же
в подшивках пыльных остаемся мы.
Наш пот впрессован в блеклые страницы,
наш голос врезан в типографский знак.
А между строк все те же наши лица,
и на висках не блещет седина.
Мы сквозь сердца профильтровали время
и втиснули эпоху в коленкор.
Когда вокруг знобило — мы горели,
а леденели — людям не в укор.
Мы не имеем права на усталость,
а если вдруг от боли и тоски
ты упадешь, то это все же малость,
все по-людски, все очень по-людски.
И там, где ветер беспокоит стяги,
звездою путеводною во мгле
тебе сияет чистый лист бумаги,
и ждет, как друга, ручка на столе.

ОГОНЬ ДУШИ

Магнитки дети — дети Прометея.
Они в боях, в труде закалены,
они в легенду входят, пламенея
огнем души и совестью страны.
Огонь души — он всюду одинаков,
не обжигает и не давит плеч,
где бой гремит и где идут в атаку,
где сталь кипит и где куется меч.
Мы сердце сможем в пули переплавить,
какая бы ни грянула война...
Огонь души — он закаляет память,
которая и там, и тут — сполна.
А память эта сквозь любые беды
приходит, как награда, как весна,
одна на всех приходит, как Победа
и как судьба Отечества, — одна.

* * *

Мудреют наши матери, мудреют...
Через годов пластающийся дым
уж все-то им яснее да виднее —
не то что нам, прозрачно молодым.

Добреют наши матери, добреют...
И взрослости суровой вопреки
от каждого сыновьего паденья
на их сердца ложатся синяки.

Стареют наши матери, стареют,
пройдя своей дорогой болевой...
Из года в год все мягче и слабее
ворчанье над бедовой головой.